

Антони Бортновски

Восприятие революционных событий в Киеве в мемуарах Алексея Александровича Гольденвейзера

The Perception of Revolutionary Events in Kiev in the Memoirs of Aleksei Goldenweiser

Aleksei Goldenweiser (1890–1979), a successful lawyer and an active participant of the Russian émigré community, left a rich legacy containing, in particular, memories of the revolutionary upheavals in his hometown Kiev. His memoirs are interesting not only as a testimony from a participant in these historical events, but also for what they reveal about the author's complex identity. Being a Russian Jew and at the same time a native inhabitant of Kiev, Goldenweiser did not identify himself with either the Reds, the Whites, or the Ukrainian movement. His relationship with the Jewish environment was also ambiguous. Goldenweiser's texts, despite their relative impartiality, reflect the position of a person trying to defend his professional and moral values in the hard conditions of the Russian Civil War. The memoirs reflect the specifics of the author's worldview and at the same time give an interesting, Kiev-centred, perspective of the events of 1917–1921.

Личность Алексея Александровича Гольденвейзера (1890–1979) сегодня известна преимущественно эмигрантологам, хотя даже в этой среде его фамилия для многих остается незнакомой. Олег Будницкий в книге *Русско-еврейский Берлин (1920–1941)* пишет следующее: “его биография не написана, литературное и эпистолярное наследие не опубликовано, в литературе об эмиграции он упо-

минается, но как-то всегда между делом, чаще всего в связи с В.В. и В.Е. Набоковыми, которым он оказывал юридические услуги и с которыми состоял в переписке с 1930-х годов” (Будницкий, Полян 2013). На фоне работ, посвященных или отдельным аспектам жизни и творчества Гольденвейзера или же носящих скорее энциклопедический характер, на сегодняшний день выделяются труды

Аллы Зейде (Зейде 2005) и Олега Будницкого (Будницкий, Полян 2013). Первая из них представляет собой попытку осмыслить долгий жизненный путь киевского адвоката и преимущественно сосредотачивается на эмигрантском периоде его деятельности. Вторая работа представляет собой главу в упомянутой книге *Русско-еврейский Берлин (1920–1941)* и является, пожалуй, самой подробной на сегодняшний день биографией Алексея Гольденвейзера. Вместе с тем текст историка Будницкого лишен углубленного анализа мемуаров киевского адвоката, которые стали предметом исследования данной статьи. Целью нашей работы является приблизить киевский контекст общественно-политических взглядов Алексея Гольденвейзера. Воспоминания активного деятеля русского зарубежья являются ценным источником, воссоздающим атмосферу, настроения и убеждения определенных кругов киевской дореволюционной интеллигенции и позволяющим изнутри увидеть сложную специфику города, функционирующего на национальном, языковом, конфессиональном и идеологическом *перекрестке*. Значимость текстов Гольденвейзера,

по нашему мнению, вытекает из убеждения, что они реализуют определенную “мемуарную функцию”, которая описана в работе *Русские мемуары в историко-типологическом освещении: к постановке проблемы*:

Возникновение мемуаров связано с появлением потребности в историческом повествовании, не преломленном через авторитет: свидетельство очевидца или участника событий приобретает отдельную ценность именно как личное свидетельство, выделяясь из общего исторического повествования. Потребность читателя в подобного рода текстах позволяет нам говорить о выдвигаемой в системе культуры специфической мемуарной функции. Функция мемуаров заключается в удовлетворении потребности читателя в индивидуализированной и достоверной исторической информации (Боровикова *et al.* 2004: 348).

Соглашаясь с точкой зрения авторов, следует подчеркнуть, что вопрос изучения наследия

Алексея Гольденвейзера, и особенно текстов, относящихся к киевскому периоду его жизни, особенно важен сегодня, когда вопрос места и значения Киева (и шире – Украины) для русского культурно-исторического поля все еще находится в процессе формирования и часто становится предметом политических спекуляций.

Алексей Александрович Гольденвейзер в среде русского зарубежья был известен прежде всего как талантливый юрист и общественный деятель. За 50 с лишним лет в эмиграции он помог не одному поколению русских беженцев. Вместе с тем он оставил богатое, и, как уже было сказано, до сих пор недостаточно изученное наследие, охватывающее не только работы, непосредственно касающиеся юридических вопросов. Среди трудов Гольденвейзера можно также найти тексты, посвященные русской революции (например, Гольденвейзер 1922б) и истории русского еврейства (Гольденвейзер 1960 и Гольденвейзер 1968).

На фоне эмигрантского этапа биографии Алексея Гольденвейзера часто на второй план уходят первые 30 лет жизни будущего эмигранта, тесно связанные с Киевом. Здесь

Алексей Гольденвейзер родился, закончил сначала 1-ю гимназию (ту же, что и Михаил Булгаков), а затем Университет святого Владимира (нынешний Университет им. Тараса Шевченко). Следует отметить, что Гольденвейзер был слушателем Берлинского и Гейдельбергского университетов, что, несомненно, не только позволило ему овладеть немецким языком, но и укрепило в будущем киевском адвокате чувство причастности к общеевропейской культуре. Эта черта мировосприятия Алексея Гольденвейзера четко прослеживается практически во всех его работах. Стоит также обратить внимание, что будущий мемуарист стал единственным из трех сыновей известного киевского адвоката Александра Соломоновича Гольденвейзера, который, несмотря на уговоры отца, сознательно отказался от учебы в Америке. Его старшие братья, Александр и Эмануил, оказавшись в студенческие годы в США, стали впоследствии известными американскими учеными. Сознательный выбор юного Алексея Гольденвейзера в пользу родного города не мог быть случайным. Дореволюционный Киев таким образом должен был представляться ему ме-

стом, с которым молодой юрист, педагог еврейского происхождения мог себя отождествлять и в котором видел перспективы для самореализации и профессионального развития.

Такое положение вещей, безусловно, связано с тем, каким городом стал Киев в начале XX столетия. “Иерусалим земли русской”, как называл будущую столицу Украины Александр II, в последние десятилетия существования Российской империи стал динамично развивающимся культурным и промышленным центром. Как отметил известный искусствовед Жан-Клод Маркадэ, с конца XIX века “губернский город” Киев снова начинает играть роль, выходящую за пределы статуса провинциальной столицы (Маркадэ 2014). Особенностью дореволюционного Киева была доминирующая роль русской культуры в жизни города, причем такое положение вещей по большей части вытекало из объективных факторов, таких как национальный состав населения. По результатам переписи 1919 года (которая прошла уже при советской власти, вытеснившей из Киева войска Семена Петлюры, а значит после отъезда в эмиграцию большей части ки-

евской интеллигенции) можно сделать вывод, что Киев до революции был не столько русскоязычным, сколько преимущественно русским городом. Русскими в 1919 году считали себя 42,6% киевлян, что почти вдвое превышало долю украинцев (23,6%) и евреев (21%) (Перепись 1919). Относительная же отдаленность от имперского центра приводила к тому, что на берегах Днепра не в такой степени ощущался вездесущий контроль полицейского государства, которым, без сомнения, была царская Россия. Наследие Киева начала XX столетия как культурного центра, достаточно космополитичного, многонационального и одновременно преимущественно русского (не только в языковом плане), на долгие десятилетия было забыто. *Молчание* на тему Киева, погибшего в годы гражданской войны, в какой-то степени продолжается и сегодня. В советское время *буржуазный* город считался чужим по классовым и идеологическим соображениям, а после распада СССР, в условиях украинского национального возрождения, оказался чужеродным в культурном отношении. Таким образом, дореволюционный Киев был забыт Россией, в которой процесс переосмыс-

ления своей дореволюционной истории еще не завершена, и одновременно не был освоен независимой Украиной.

Лицо Киева первых десятилетий XX века формировали, в частности, такие люди, как Алексей Гольденвейзер. Вместе с тем не все стали, так как он, свидетелями гибели дореволюционного Киева – многие представители местной элиты покинули город еще в начале революционных событий, или же вместе с войсками Деникина в декабре 1919 года (как, например, Василий Шульгин, также известный своими киевскими мемуарами). Воспоминания Алексея Гольденвейзера, ставшие предметом нашего анализа, были написаны в 1922 году и вышли в VI томе *Архива русской революции*. Своего рода продолжением киевских воспоминаний стало опубликованное в 1923 году *Бегство*. Хроника Гольденвейзера уникальна прежде всего тем, что ни один другой эго-документ не представляет столь полной картины киевских событий 1917–1921 годов. Как справедливо отметил Олег Будницкий, “это один из важнейших источников по истории Гражданской войны на Украине (точнее, в Киеве)” (Будницкий, Полян 2013). Алексей Гольденвейзер про-

вел в родном городе весь период гражданской войны и стал свидетелем всех четырнадцати смен власти (согласно подсчету Михаила Булгакова в *Киеве-городе*). Стоит отметить, что помог этому случай, так как в декабре 1919 года, в день занятия Киева большевиками (это был третий раз из четырех), будущий мемуарист сидел уже с женой в вагоне поезда, который должен был увезти их в Одессу. Поняв, что уехать они не успеют, Гольденвейзеры в спешке покинули вокзал и вернулись в квартиру (Гольденвейзер 1922а: 273–274). В итоге они покинули Киев лишь летом 1921 года. Особенностью воспоминаний Гольденвейзера, написанных по свежим следам пережитого, является почти полное отсутствие прямого отражения в тексте личной жизни автора. Мемуарист уже с первых строк четко определяет перспективу событий – это взгляд киевлянина, преданного своим профессиональным и моральным убеждениям, скорее наблюдателя, чем участника истории. Кстати, именно отказ от активных действий политического характера позволил Гольденвейзеру оставаться в Киеве весь период гражданской войны и не стать объектом преследований ни одной

власти. Стоит также обратить внимание, что *нейтралитет* Гольденвейзера усиливался с течением времени – для приверженного принципам законности юриста это был своего рода протест против бесправия, вне зависимости от его политической окраски. Это особенно заметно, если сравнить энтузиазм первой главы, посвященной событиям Февральской революции, с ощущением отстраненности и безысходности в описании последних дней в Киеве.

Ходили по мертвым улицам города, смотрели на кошмарно-однообразные вывески [...], на изможденные и тупые лица прохожих. Читали расклеенные по стенам газеты, сообщавшие о революции в Лиссабоне и о победе на каком-нибудь вновь изобретенном фронте... Мы задыхались. И вокруг нас задыхались. Все – близкие и далекие. Европа, Запад представлялись обетованной землей... [...] Утром вагон двинулся [...]. Он увез нас из Киева. Надолго. Надеюсь, что не навсегда (Гольденвейзер 1922а: 303).

Стоит обратить внимание на язык последнего фрагмента воспоминаний: обилием многоточий, отрывистыми простыми предложениями Гольденвейзер словно воссоздает чувство моральной усталости, даже истощенности. На этом фоне выделяются робкие слова надежды, которыми завершаются воспоминания, – они доказывают, что Гольденвейзер был привязан к Киеву, куда однажды хотел вернуться. Родной город стал для мемуариста жертвой внешних сил, которые вторглись в *киевский мир* и в итоге разрушили уклад жизни его населения. Интересно, что в глазах Гольденвейзера захватчиками Киева были не только немцы или большевики, но также войска Деникина и даже украинцы, рассматривающие город на Днестре как свою столицу. Алексей Гольденвейзер уже в самом начале своих воспоминаний подчеркивает обособленность Киева, который словно жил своей автономной, отдельной от остальной страны жизнью, пока в какой-то момент не был втянут в водоворот исторических потрясений.

В конце февраля 1917 года в Киеве ничто не

предвещало великих событий, на самом пороге которых мы находились. Убийство Распутина, по видимому, не произвело у нас того впечатления, которое мне пришлось наблюдать в Петрограде, где я как раз в эти дни был (Гольденвейзер 1922а: 161).

Февральская революция, как замечает Гольденвейзер, стала для Киева сюрпризом. Обстановка в городе не была столь накаленной, как в Петербурге, и вошедшая в историю телеграмма Бубликова, о которой упоминал также Михаил Булгаков (*Киев-город*), вызвала у киевлян удивление и растерянность.

Телеграмма эта с быстротой электрической искры распространилась по городу. Все были в этот вечер у телефона, читая, слушая, перечитывая и переспрашивая... Никто не знал, кто такой Бубликов (Гольденвейзер 1922а: 163).

После первоначального удивления, в Киеве воцарился всеобщий восторг. Гольденвейзер подчеркивает, с каким энтузиазмом и надеждами горожане

отнеслись к крушению самодержавия.

Настроение было праздничное. Да и как было не радоваться? Грандиозный переворот, осуществление вековой нашей мечты мы получили как бы в подарок, без борьбы и усилий, без крови и стонов... Это чувство восторга по поводу происшедшего с Россией феерического превращения сохранилось еще долго (Гольденвейзер 1922а: 163).

Следует обратить внимание, что в приведенном фрагменте четко прослеживается позиция самого автора – местоимения “наши” и “мы” свидетельствуют о том, что автор мемуаров разделял чувства ликующего киевского или, шире, российского общества. В этот “медовый месяц”, как назвал первые послереволюционные недели Гольденвейзер, казалось, что наступило время свободы и исторической справедливости, когда в отсутствие давления имперского центра наконец все киевляне станут равноправными гражданами. Это касалось, в частности, киевского еврейства, на которое Гольденвей-

зер в силу своего происхождения обращал особое внимание. С некоторым пафосом мемуарист пишет о первом собрании представителей еврейских общественных организаций в самом большом концертном зале Киева:

Зрелище было довольно импозантное, чувствовалось веяние духа новых времен. В городе, откуда евреев постоянно выселяли, [...] впервые за его тысячелетнюю историю состоялось открытое и гласное собрание представителей еврейства (Гольденвейзер 1922а: 166).

Вскоре оказалось, однако, что исчезновение самодержавия не только принесло свободу, но и обнажило многие противоречия местного характера, в том числе касающиеся еврейского населения.

“(Еврейскому) Совету” не только не удалось объединить вокруг себя киевского еврейства, но, напротив, он стал фактором раздоров, стал тем химическим реактивом, который обнаружил несоединимость отдельных составляющих еврейство

элементов (Гольденвейзер 1922а: 189).

Следуя логике Гольденвейзера, получается, что противостояние дискриминационной политике царских властей, было серьезным фактором, сглаживающим внутренние разногласия среди евреев. Вместе с тем такая оценка ситуации, несомненно, вытекает из самоидентификации мемуариста и его подхода к национальному вопросу. Воспитанный в русской культуре, автор киевских воспоминаний был далек от еврейских традиций, как в религиозном, так и в языковом плане¹. На удаленность Гольденвейзера от своего национального происхождения указывает также способ представления еврейского вопроса в мемуарах – как в вышеприведенном, так и в других фрагментах автор описывает проблемы еврейского населения Киева с позиции свидетеля, а не участника: в данном случае читатель ни ра-

¹ О значительной степени ассимиляции Гольденвейзеров свидетельствует факт, что из 8 доживших до взрослых лет детей деда мемуариста – Соломона Израилевича Гольденвейзера – лишь двое младших сыновей (в том числе отец Алексея – Александр) не перешли в христианство (см. Гольденвейзер 2009: 10).

зу не встретит местоимений первого лица. К этому вопросу обращается также в своей работе Олег Будницкий:

Как и многие другие дети еврейской элиты, обучавшиеся в русских гимназиях и русских университетах, он (Гольденвейзер – А.Б.) стал человеком русской культуры. [...] Он, конечно, понимал язык еврейской “улицы”, но, по его собственному признанию, идиш был для него “малознакомым” языком (Будницкий, Полян 2013).

По мнению мемуариста, национальная еврейская политика (в узком, этническом понимании) была в 1917 году уже анахронизмом и, следовательно, являлась нецелесообразной.

Для каждого еврея несравненно важнее были вопросы о монархии или республике, демократии или социализме, – чем все вопросы, к которым сводилась национальная еврейская политика, то есть вопроса о светской или религиозной общине, о жаргоне или древнееврейском языке, и даже вопросы о

национальной автономии. Между тем, по основным общеполитическим вопросам русское еврейство никоим образом не могло представлять собой единого фронта; тут оно естественно расслаивалось по социальным классам и политическим течениям (Гольденвейзер 1922а: 190).

Наивный и легкомысленный послереволюционный энтузиазм привел к тому, что отдельные группы населения, так же как и евреи, переоценили значение смены власти в Петербурге для решения киевских и, шире, украинских² проблем. Далее мы сосредоточимся именно на представлении Гольденвейзером ошибок основных сил, предъявляющих свои претензии на господство в Киеве. Автор постоянно напоминает о них с позиции знающего будущее повествователя, обращая внимание на ключевые промахи первых послереволюционных дней. Итак, например, в кон-

² Определение *украинский* имеет здесь территориальный характер и относится к землям бывшего Юго-Западного края и других губерний Российской империи, являющихся сегодня территорией Украины.

тексте недооценки значения украинского национального движения, автор отмечает, что “вскоре на этой почве предстояло разыграться довольно грозным конфликтам” (Гольденвейзер 1922а: 168). Такого рода комментарии *из будущего* в работе Гольденвейзера позволяют выстроить из киевских революционных событий цепь закономерностей, которую можно было увидеть лишь *post factum*. Такого рода явление метко описано в одной из работ Юрия Лотмана:

Ретроспективный взгляд позволяет историку рассматривать прошедшее как бы с двух точек зрения: находясь в будущем по отношению к описываемому событию, он видит перед собой всю цепь реально совершившихся действий; переносясь в прошлое умственным взглядом и глядя из прошлого в будущее, он уже знает результаты процесса. Однако эти результаты как бы еще не совершились и преподносятся читателю как предсказания. В ходе этого процесса случайность из истории полностью исчезает (Лотман 1994: 427).

Критическое переосмысление прошлого в работе Алексея Гольденвейзера позволяет выделить ключевые, по его мнению, ошибки, которые перечеркнули не только достижения Февральской революции, но и в итоге заставили с ностальгией вспоминать царские времена. Гольденвейзер в конце киевских воспоминаний приводит слова украинского крестьянина, который со вздохом произносит: “Кольсь була свобода...” (Гольденвейзер 1922а: 297).

С точки зрения Гольденвейзера, одной из серьезнейших недооцененных проблем послереволюционного времени был, без сомнения, украинский вопрос. Описывая его, мемуарист предлагает очередное *лотмановское* предсказание:

Наша жизнь была наполнена интересами и вопросами момента. Но самое главное и решительное в ней было то, что позади всех этих очередных вопросов и забот поднималась и заполняла все большую и большую часть горизонта грозная туча украинского сепаратизма (большевистская опас-

ность была в ту эпоху в Киеве еще не на очереди). Мы все видели эту тучу и чувствовали ее приближение; и это налагало отпечаток какой-то мрачности на наши мысли и настроения (Гольденвейзер 1922а: 174).

Приведенные слова в очередной раз подчеркивают специфику Киева столетней давности, в котором украинское стремление к независимости воспринималось горожанами (или как минимум интеллигенцией) как неожиданная угроза. Со своих общероссийских позиций Алексей Гольденвейзер рассматривает украинский вопрос как очередной фактор, осложняющий и так уже непростую обстановку в Киеве.

Легкомысленное пренебрежение к украинскому национальному движению со стороны русской и еврейской интеллигенции проявилось [...] в первые недели революции. Мы [...] не знали и не хотели знать ничего об украинстве и о его национальных домогательствах. И каждое напоминание о них, ис-

ходившее от заинтересованных кругов, воспринималось нами как грубая бестактность (Гольденвейзер 1922а: 168).

Такой подход Гольденвейзер, как уже было сказано, считал ошибочным, но не потому, что, будучи киевлянином, признавал справедливость украинских, как он это выразил, “домогательств”. Об этом свидетельствует реакция мемуариста на решение Временного правительства о предоставлении Украине автономии: “Помню тяжелое впечатление, которое произвело на меня то, с какой легкостью и быстротой ‘отвалили’ Украине десяток губерний” (Гольденвейзер 1922а: 180).

Алексей Гольденвейзер был однозначным сторонником сохранения единства России, а Киев, как и всю Украину, считал ее интегральной частью. В частности, этой особенности взглядов киевского адвоката посвящена статья Анастасии Гаввы, справедливо отметившей, что для Гольденвейзера было “неприемлемо и даже драматично понятие ‘украинская автономия’ и тем более ‘независимость Украины’”. Все шаги в этом направлении он расценивает как ‘украинский сепаратизм’ и предательство

интересов русской революции, которое способствовало ее поражению” (Гавва 2012: 140). Целостность многонационального государства была для него несравненно важнее каких-либо отдельных узконациональных интересов. Это касалось не только украинцев и упомянутых ранее евреев, но и русских. Следует отметить, что в киевских воспоминаниях Гольденвейзера звучит также критика великорусского шовинизма (и, в частности, позиции таких изданий как «Киевлянин»), который привел к обострению межнациональных противоречий. Взгляд мемуариста на русско-украинские отношения в Киеве и на территории Украины хорошо отражает следующий фрагмент:

Киев всегда жил под знаком национальной розни. Эта рознь препятствовала развитию у нас широких объединений даже среди деятелей искусства, науки, литературы. В области же политики обостренность национальных вопросов питала мракобесие и чело-веконенавистничество. Это наследие старорежимного Киева проявилось теперь во

всем блеске. Национальный момент был официально выдвинут на первое место: результатом не могли не стать национальное обособление, вражда и упадок общечеловеческих благ культуры. Конечно, теперь роли переменялись. В 60-х годах, выпуская Первый номер «Киевлянина», В. Я. Шульгин счел нужным поставить своим лозунгом фразу: “Юго-западный край – русский, русский, русский”. Очевидно, такой лозунг был бы смешон и бессодержателен в чисто русском крае, например в Москве; он получал определенный смысл и политическое значение именно в Киеве, притом именно потому, что Юго-западный край в действительности не был чисто русским. Цель В. Я. Шульгина и его преемников состояла в том, чтобы сделать его таковым. Через 50 лет политика русификаторов принесла свои неизбежные плоды: захватившая власть Центральная рада не переставала повторять, что Юго-западный край – украинский,

украинский, украинский
(Гольденвейзер 1922а:
198).

Приведенный фрагмент ясно свидетельствует о том, что Гольденвейзер отвергал любой узконациональный ключ решения проблем в обществе и выступал за инклюзивный подход, опирающийся на общечеловеческих и наднациональных ценностях. Киевский адвокат олицетворял собой тип социальной персоны, в которой множество идентичностей дает в итоге синергический эффект. На особенности данного типа *имперского* сознания ранее уже обратила внимание Алла Зейде:

Эта сложная социальная персона не является экзотической странностью Гольденвейзера, она присутствовала в обществе позднеимперской России, когда сословные, классовые, этноконфессиональные и профессиональные идентичности не отменяли друг друга, но складывались в причудливые калейдоскопы (Зейде 2005: 336).

В итоге интегральность России во всем ее многообразии тесно связывается в сознании

Гольденвейзера с целостностью его собственной идентичности. В этом контексте не может удивлять факт, что межуарист в своих воспоминаниях посвящает много места критике действий украинских властей, вызывавшей лишь углубление расколов в многонациональном российском обществе. Отвергаемый Гольденвейзером узконациональный подход выражался, прежде всего, в недалёковидной политике насильственной украинизации, вызвавшей недоумение в русском, как писал автор, городе. Как замечает Гольденвейзер, *русскость* Киева особое удивление вызвала у происходящих с территории западной Украины солдат: “Галицийские войска, которых Петлюра призвал освобождать Украину, были весьма сконфужены, когда [...], овладев наконец Киевом, оказались в совершенно русском городе” (Гольденвейзер 1922а: 232).

Итак, принудительная украинизация, по мнению Гольденвейзера, стала чуть ли не единственным общим знаменателем, объединяющий все украинские правительства периода гражданской войны, от Центральной рады до Петлюры.

С похожих позиций Алексей Гольденвейзер осуждает в своих мемуарах власть белых, вытеснивших большевиков из Киева в августе 1919 года и встреченных горожанами в качестве освободителей:

Настроение в городе было приподнятое. Все население высыпало на улицы, мелькали белые платья и праздничные наряды. [...] Толпы народа ходили по городу с национальными флагами [...]. Чувствовалось всеобщее единение, напоминавшее первые дни революции. Большевицкая власть, чрезвычайка и расстрелы представлялись каким-то дурным сном, навсегда схороненным (Гольденвейзер 1922а: 259).

В описании прихода в Киев Добровольческой армии заметно все большее отчуждение Гольденвейзера, окончательно превращающегося из участника в свидетеля событий. Это, конечно, связано с тем, что в условиях дегуманизации Гражданской войны не осталось сил, с которыми автор мог бы себя отождествлять. Приход белых в Киев оказался очередным разоча-

рованием – по мнению мемуариста, они не смогли использовать антибольшевистские настроения, так как не выучили уроков прошлого и стали реализовать старорежимную националистическую и антисемитскую политику.

Возбуждение народа, как следовало ожидать, направилось с первых же дней против евреев. В эту именно сторону направляли его, если не сами добровольцы, то весьма значительная часть их политических друзей. Шульгин в первом же номере возобновленного «Киевлянина» [...] обещал отныне не отдавать больше (Юго-Западного края – А.Б.) “ни украинским предателям, ни еврейским палачам”. В своем националистическом ослеплении Шульгин считал, что сила Добровольческого движения – в национальных русских лозунгах. В действительности, однако, сила движения была в лозунгах не национальных, а государственных, не русских, а российских. И как раз роковой ошибкой для всего грандиоз-

ного движения оказалось то, что оно не сумело победить в себе национальное высокомерие и оттолкнуло от себя все не националистически-русские элементы населения (Гольденвейзер 1922а: 260).

Именно выбор в пользу *российскости*, вместо несостоятельной в условиях гражданской войны *русскости*, мог, по убеждению Гольденвейзера, спасти Россию от ее главного врага – большевиков. В воспоминаниях киевского адвоката окончательная победа красных на территории Украины представлена закономерным последствием недалновидной политики их оппонентов. Главными же *жертвами* исторических потрясений в воспоминаниях Гольденвейзера стали киевляне, которые, между прочим, в силу внутренних противоречий не сумели противостоять приходящим извне очередным волнам хаоса и насилия, заливающим их цивилизованный и европейский мир. Тотальная критика большевизма в мемуарах Гольденвейзера – это отдельная тема, которой в данной статье мы развлекать не будем. Заметим лишь, что отношение автора к красным является аб-

солютно закономерным, учитывая его приверженность европейскому гуманизму.

Именно разрыв с Европой стал для мемуариста одним из самых трагических последствий революции и гражданской войны. В этом контексте стоит заметить, что даже при в целом критическом отношении к оккупации Киева чужими армиями – немецкой в 1918 году и польской в 1920 году – занятие ими родного города стало для Гольденвейзера возможностью хоть частично преодолеть культурную изоляцию.

Самой положительной стороной этого времени (немецкой оккупации – А.Б.) было восстановление связи хотя бы с частью Европы. Немцы открыли в Киеве два больших книжных магазина. В них можно было получить, кроме книжных новинок по всем отраслям знаний, также свежие берлинские и венские газеты (Гольденвейзер 1922а: 209).

Похожим образом Алексей Гольденвейзер комментирует и пребывание в Киеве войск Пилсудского: “Настроения киевлян в недели польской ок-

купации были мрачные и озлобленные. [...] Светлым пятном среди всех зол и бед было только одно: приотворенное окно в Европу, через которое дохнуло на нас свежим воздухом” (Гольденвейзер 1922а: 282).

Из приведенных фрагментов в очередной раз четко видно, что абсолютным приоритетом для Алексея Гольденвейзера было сохранение гуманности, развитие России в духе свободы, законности и уважения к человеку. На этом фоне все остальные вопросы, в том числе также национальные уходили на второй план. Это объясняет, почему при своих демократических взглядах, киевский адвокат был категорически против распада России – он понимал, что возникновение национальных государств на руинах империи приведет к всплеску национализма, который неминуемо отодвинет на второй план общечеловеческие, универсальные ценности. Именно сохранение связи с Европой и, шире, цивилизационным пространством Запада было, по убеждению Алексея Гольденвейзера, условием спасения

России. Приверженность европейским ценностям приводит к закономерной эволюции позиции мемуариста по отношению к описываемым в очередных главах событиям. По мере того как киевская действительность теряет последние признаки законности и культурности, автор отдаляется от нее, вплоть до почти полной самоизоляции в ставшем чужим родном городе.

Подытоживая вопрос взглядов Алексея Гольденвейзера на исторические потрясения, которые ему пришлось пережить, следует отметить, что для киевского адвоката самой большой трагедией революции, начатой во имя свободы, стал именно отказ России от *европейскости*, определяющей, по мнению мемуариста, ее сущность – то что в ней самое ценное. “Европа осталась Европой в то время, как Россия перестала быть Россией” (Гольденвейзер 1923: 186), – подводит итоги Первой мировой войны и последовавших за ней потрясений Алексей Гольденвейзер.

Библиография

Боровикова *et al.* 2004: М. Боровикова, Т. Гузаиров, Р. Лейбов, М. Смержевских-Смирнова, И. Фрайман, Т. Фрайман, *Русские мемуары в историко-типологическом освещении: к постановке проблемы* // “Цепь непрерывного предания...”: Сборник памяти А.Г. Тартаковского, под ред. А. Юрганова, Москва, Издательство Российского государственного гуманитарного университета, 2004, с. 346–361.

Будницкий, Полян 2013: О. Будницкий, А. Полян, *Русско-еврейский Берлин (1920–1941)*, Москва, Новое литературное обозрение, 2013, электронный адрес: <<https://document.wikireading.ru/52624>>, последнее посещение 23.05.19.

Гавва 2012: А. Гавва, *Киевский адвокат А.А. Гольденвейзер о Центральной Раде*, «Вісник студентського наукового товариства ДонНУ імені Василя Стуса», IV, 2012, 1, с. 136–140.

Гольденвейзер 1922а: А. Гольденвейзер, *Из киевских воспоминаний (1917–1921 гг.)* // *Архив русской революции*, Г. Гессен (изд.), Берлин, Слово, 1922, т. 6, с. 161–303.

Гольденвейзер 1922б: А. Гольденвейзер, *Якобинцы и большевики: психологические параллели*, Берлин, Мысль, 1922.

Гольденвейзер 1923: А. Гольденвейзер, *Бегство (Июль-октябрь 1921 г.)* // *Архив русской революции*, Г. Гессен (изд.), Берлин, Слово, 1923, т. 12, с. 167–186.

Гольденвейзер 1960: А. Гольденвейзер, *Книга о русском еврействе. От 1860-х годов до революции 1917 г.*, Нью-Йорк, Союз русских евреев, 1960.

Гольденвейзер 1968: А. Гольденвейзер, *Книга о русском еврействе. 1917–1967*, под ред. Я.Г. Фрумкина, Г.Я. Аронсона и А.А. Гольденвейзера, Нью-Йорк, Союз русских евреев, 1968.

Гольденвейзер 2009: А. Гольденвейзер, *Воспоминания*, Москва, Дека-ВС, 2009.

Зейде 2005: А. Зейде, *Без империи*. Тексты и контексты жизни русского еврея Алексея Александровича Гольденвейзера, «Ab Imperio», 3, 2005, с. 331–346.

Лотман 1994: Ю. Лотман, *Смерть как проблема сюжета* // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа, сост. А.Д. Кошелев, Москва, Гнозис, 1994, с. 417–430.

Маркадэ 2014: Ж.-К. Маркадэ, *Киев – столица „модерности” в начале 20-20 века*, электронный адрес: <<https://www.vania-marcade.com/киев-столица-модерности-в-начале-20/>>, последнее посещение 27.06.19.

Перепись 1919: *Перепись г. Киева 16 марта 1919 г.*, электронный адрес: <<http://elib.shpl.ru/ru/nodes/8745-perepis-g-kieva-16-marta-1919-g-ch-1-naselenie-kiev-1920#page/7/mode/inspect/>>, последнее посещение 27.06.19.